
УДК 009,80

DOI 10.31249/hoc/2020.01.07

Махлин В.Л. ©

**ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
ВИКО, АУЭРБАХ И МЫ¹***

Аннотация. В статье поставлена проблема «филологии» в ее взаимоотношениях с современностью, на материале трех конкретно-исторических ситуаций, а именно – на опыте Д. Вико в XVIII в., опыте Э. Ауэрбаха в XX в. и на опыте нашей «современности после постсовременности», в ситуации радикального кризиса образования и гуманитарно-филологической деятельности в XXI в.

Ключевые слова: философия филологии; гуманитарное мышление; герменевтика; диалог; науки о культуре; науки о человеке; науки исторического опыта; гуманитарная эпистемология; история рецепции; феноменологическая герменевтика; идея «культуры»; гуманитарно-филологическая деятельность.

Makhlin V.L.

Philology and modernity: Vico, Auerbach and us

Abstract. The article represents the problem of «Philology» in its relations with modernity, through the material of three specific historical situations, namely on the experience of the D. Vico in the eighteenth century, the experience of E. Auerbach in the twentieth century, and on the experience of our «modernity after postmodernity», in a situation of radical crisis of education and humanitarian-philological activities in the XXI century.

Keywords: philosophy of philology; humanitarian thinking; hermeneutics; dialogue; science of culture; science of man; science of historical experience; humanitarian epistemology; history of reception; phenomenological hermeneutics; the idea of «culture»; humanitarian-philological activity.

1

Вопрос, который я хотел бы обсудить, гласит: насколько и в каком смысле *философия филологии*, которую отстаивал Д. Вико в исторической ситуации своего времени, в эпоху знаменитого «спора древних и новых» во Франции, актуальна для Нового времени в целом и даже сегодня, когда Новое время, похоже, завершилось?

Задача состоит в том, чтобы идею Вико о *corsi* и *ricorsi* «применить» – в герменевтическом смысле этого слова – к проблеме гуманитарного мышления, которое Вико связывал со своей идеей «филологии», противопоставляя новой, картезианской науке свою «новую науку». Теоретико-познавательная трудность, с которой столкнулся неаполитанский мыслитель, в сущности, та же самая, перед которой оказывается филология и, шире, историко-филологическое мышление и познание сегодня, в XXI в. Ведь филология с самого начала («в принципе») ориентирована на изучение и сохранение исторического прошлого, сфера ее компетенции – «архив», как выражаются постмодернисты; между тем подлинная сверхзадача филологии – *герменевтическая*: она заключается в том, чтобы осуществлять взаимосвязь, корреляцию, некий «диалог» между прошлым и современностью. В этом более традиционном смысле историко-филологическое мышление и познание оказываются перед необходимостью быть по возможности «современными», как-то все же «актуальными»; они если и не прямо должны, то все же вынуждены как-то оправдываться перед лицом своей современности и в собственных глазах, во всяком случае – в Новое время с его императивом «нового» / «современного». Такова трудность, или *проблема*, филологии, понятой в духе Д. Вико, т.е. проблема «гуманитарного» мышления и познания, в отличие от иных форм мышления и познания.

Два предварительных замечания могут, как кажется, дать подступ для предметного обсуждения нашей проблемы.

Во-первых, так называемые гуманитарные науки, единство которых Вико обозначал словом «филология», – это, собственно, социально-исторические дисциплины (в диапазоне от теологии до экономики). Начиная с В. Дильтея, комплекс дисциплин, предметом которых является *исторический опыт* в его отличии от так называемых «опытных наук», немцы называют «науками о духе» (или «науками о культуре»), а мы сегодня, как правило, называем «гуманитарными» или (скорее на французский лад) «науками о человеке»^{2*} или, как еще говорят, «дисциплинами интерпретации»^{3*}. Наиболее точное определение гуманитарных дисциплин принадлежит, по моему мнению, инициатору современной герменевтической философии Г.-Г. Гадамеру (1900–2002), который называет их просто «науками исторического опыта»^{4*}. В этом смысле «филология», как ее понимал Вико, – это совокупность дисциплин исторического опыта (а значит – социального опыта), когнитивную самостоятельность и состоятельность которых неаполитанский мыслитель пытался отстоять в свое время в качестве *certum* – знания о конкретно-данном, в отличие от *verum* – знания об истинном, или общем, которое интересует философию.

Во-вторых, «филология», как совокупность наук исторического опыта, предметно всегда обращена в прошлое или к прошлому, но существует в настоящем, в своей современности; это несовпадение, собственно, и создает напряжение, которое может быть больше или меньше. Начиная в особенности с исторического перелома на рубеже XVIII–XIX вв. филология оказывается перед «вызовами» современности во все поворотные времена общекультурных сдвигов и «смен парадигм». Это значит: филология и другие науки исторического опыта сами по себе уже встроены в определенную архитектонику исторического опыта, которая повторяется, воспроизводится, на языке Вико, как *corsi* и *ricorsi*, но при этом – всегда по-новому. Науки исторического опыта живы и подвижны двумя основными напряжениями: между «*certum*» «*verum*», с одной стороны, между достоверностью прошлого опыта и достоверностью современного опыта – с другой. Мышление Вико в этом смысле, – грандиозная попытка ответить на

оба эти напряжения, или вызова, которые обострились уже в его время и с тех пор не переставали обостряться.

Под углом зрения обозначенной таким образом проблемы «филологии», как принципа научно-гуманитарного мышления и познания, я постараюсь в дальнейшем обосновать и оправдать непрерывность трех опытов испытания историко-филологической мысли, трех случаев «филологического» сопротивления «теории» и «теоретизму» Нового времени в истории гуманитарной эпистемологии. Меня интересует непрерывность исторического опыта в самой его прерывности, в самих различиях между конкретными историческими ситуациями и так называемыми дискурсивными формациями. Опыт Вико в начале XVIII в., опыт немецкого филолога Э. Ауэрбаха, переводчика и исследователя Вико в XX в., и, наконец, опыт нашей «современности после постсовременности» с ее новыми вызовами: сопоставление этих трех исторических ситуаций, как мне кажется, позволяет лучше понять не только конкретную историчность каждого опыта, но и «абсолютную историчность» каждого из них и в этой ретроспективе – непреходящую актуальность Д. Вико.

3

Джамбаттиста Вико (1668–1744) – первый в Новое время эпистемолог гуманитарного познания, осознавший себя перед вызовами эпистемологии естественно-научного образца и разработавший альтернативу так называемому картезианству. Задолго до В. Дильтея и Г.-Г. Гадамера Вико сделал принципиальную попытку обосновать специфику гуманитарного мышления и познания, методически противопоставив науки исторического опыта так называемым опытным наукам и основывавшейся на них эпистемологии, персонифицированной для Вико в лице «Ренато деле Карте», как он по-своему, по-итальянски переименовал имя и фамилию Р. Декарта^{5*}.

Вико, как известно, не только по-новому открыл историю; он, как выясняется, по-новому открыл реальность исторического опыта как такового, «гражданского мира». Мало того: неаполитанский мыслитель тематизировал не столько «возвышенный» исторический опыт, который на излете структуралистской эпохи (с ее культом «теории» и «текста») открыл для себя наш современник Анкерсмит, опираясь на

романтические импульсы вокруг 1800 г.^{6*}; Вико, напротив, открывает существенность *не* возвышенного, но скорее *повседневного*, даже «телесного» опыта, в котором он выявляет и политическое, и поэтическое измерения, – открывает, так сказать, «возвышенное снизу».

Научная программа Вико, в частности его «Новая наука» и «О методах исследования и преподавания нашего времени», – это попытка как бы переиграть «новых», *les moderns*, на их же территории – на территории современности; попытка, не имевшая успеха, если под «успехом» понимать известность и влияние на современников, но пережившая своего рода ренессанс в XX в. По необычности и парадоксальности история рецепции мышления Вико сопоставима разве что с историей рецепции русского мыслителя Михаила Бахтина, который в совершенно иной исторической ситуации предпринял столь же грандиозную, но почти безнадежную попытку «переиграть» торжествующую современность на ее же территории. Для нас здесь, однако, важно следующее: если в XIX и отчасти еще в XX в. Вико поражал циклопизмом своих синтезов, то сегодня, в эпоху так называемой глобализации, мы можем лучше оценить его чувство реального в противоположность, так сказать, «естественному» утопизму научных и философских *теорий*, его ориентацию не только на *макро*историю, но и на *микро*историю, т.е. на исторический опыт, на «*certum*», на то, к чему пришла сама философия в момент «смены парадигмы» после Первой мировой войны, когда философия, отчасти филология и историография, обратились, в значительной мере, против себя же самих, точнее – против интеллектуальных традиций Нового времени, а еще точнее – против *утопических* тенденций самого нововременного мышления.

Опыт Вико – опыт сопротивления тому, что в XX в. молодой Хайдеггер назовет *theoretische Einstellung* («теоретической установкой»), а молодой Бахтин тогда же (в начале 1920-х годов) – «теоретизмом». Абстрактно-объективистское мышление – как в естественных науках, так и в «дисциплинах интерпретации» – «утопично» не только в идеологическом, но также и в методологическом отношении, т.е. в способе подхода к предмету или тексту; оно как бы перепрыгивает через значимую «фактичность» всякой современности, чтобы попасть сразу «в дамки», *ad realiora*. Так называемые теории норовят «стереть» ту конкретно-историческую и внутренне подвижную действительность символических порядков «гражданского мира», *mondo*

civile, ту как бы молекулярную фактичность истории, которую Вико – и в этом, по-моему, фундаментальная символичность его собственного опыта – пытался отстоять в *свое* время перед лицом новой, экспериментально-сциентистской и торжествующей науки Нового времени и раннего Просвещения. Перед лицом пока еще в основном *идеальной* (а не «материальной») глобализации и редукции по принципу *voilà tout*.

Но Вико не только, в известном смысле, *открывает* «историзм» Нового времени; похоже, его мышление еще и *корректирует последствие* историзма (так называемого «историцизма»). Этим, между прочим, объясняется слабая продуктивность рецепции викианской мысли в так называемом гегеле-марксизме и особенно в советской «эстетике истории».

В самом деле, с позиций так называемой историософии (все равно – религиозно-идеалистической или научно-материалистической) гуманитарная эпистемология Вико могла быть понята в основном только как несовершенная версия, или стадия, совершенной и, разумеется, единственно верной (хотя и по-разному «духовной») Истории, т.е. скорее в одиозно историцистском духе. С другой стороны, после того как, благодаря французскому переводу Ж. Мишле (1827), «Новая наука» Вико начала постепенно приобретать известность в Европе, тогда же начала складываться *позитивистская* традиция рецепции Вико в историко-филологическом мышлении^{7*}. Только в XX в. викианская идея филологии, как основной науки о «гражданском мире», была (пере)открыта постольку, поскольку было понято, что «новая наука» Вико «имеет целью не исследование текстов классических или новых авторов, а открытие оснований *природы человеческих наций* в истории их языков и культур»^{8*}.

Уместно заметить здесь, что в России так называемое «историческое сознание» (*das historische Bewusstsein*) на исходе Нового времени оказалось в некотором смысле *ловушкой* мышления и разума; как и ко многому другому, происшедшему в философском и научно-гуманитарном мышлении XX в., у нас почти нет сегодня современного подхода к Вико, кроме формального историзма и позитивизма позапрошлого столетия. Оттого и викианская идея «Филологии», как некоторого конструктивного синтеза областей гуманитарного познания, в постсоветской ситуации может представляться либо просто

старомодной утопией, либо эстетизованным соблазном, т.е. тоже утопией.

Тем полезнее обратиться к западной рецепции Вико в XX в. – рецепции, которой в советский век, повторяю, уже не могло быть в интересующем нас смысле, т.е. с точки зрения философии исторического опыта и наук исторического опыта, – у Вико, как известно, этому соответствует его *философия авторитета* как альтернатива картезианству.

4

Второй опыт философско-филологического сопротивления «теории», «теоретизму», к которому стоит здесь обратиться в жанре *case study*, – опыт выдающегося немецкого филолога Эриха Ауэрбаха (1892–1957) – переносит нас в XX век, в период смены научно-гуманитарной парадигмы в философии и в гуманитарных науках. Ауэрбах после Первой мировой войны учился классической филологии – у Эдуарда Нордена, романской филологии – в так называемой «школе Фосслера», а философии – у историка и теолога Эрнста Трельча (автора «Проблем историзма»), который и посоветовал Ауэрбаху в начале 1920-х годов обратиться к наследию Д. Вико^{9*}. Последствия этого обращения говорят сами за себя: Ауэрбах, как известно, заново перевел на немецкий язык «Новую науку» Вико (1924)^{10*}, а потом – книгу о Вико выдающегося итальянского философа Бенедетто Кроче (1927). Исследователи подсчитали, что Ауэрбах писал о Вико по статье каждые пять лет, возвращаясь к Вико во всех методически ответственных разделах своих статей и книг. Отметим здесь лишь узловые моменты ауэрбаховской рецепции Вико в контексте нашей темы.

1. К Вико Ауэрбаха привели не теоретические соображения сами по себе, но «практический семинар по мировой истории, в котором мы участвовали и все еще участвуем» (как он выразился в поздней статье)^{11*}, т.е. переломный исторический опыт 10–40-х годов прошлого века и последующих десятилетий. То был опыт краха либерально-буржуазно-христианского общества, а в плане мышления – крах идеализма и традиционного историзма Нового времени, который позволил философии и гуманитарным наукам увидеть и сделать предметом исследований то, что, казалось, было всегда в истории, но лишь теперь

стало значимым или по-новому понятным, а именно: взаимосвязь современного и прошлого опыта истории. Сама история и место познания в ней изменили свою конфигурацию. Не бесконечность вселенной как предпосылка конечности человека и познания, но скорее, наоборот, конечное как предпосылка всего бесконечного, разнообразного в истории бытия – таков был опыт («практический семинар») Э. Ауэрбаха и его поколения.

2. Развивая свой метод «гуманитарно-филологической деятельности» (*geistesgeschichtliche Tätigkeit*), Ауэрбах заимствует у Вико его идею «филологии» как познания конечного и конкретного, но такого, которое в своей конкретности, в «*certum*», в исторической фактичности изображения действительности (мы бы сказали сегодня: «репрезентации») воспроизводит некоторую значимую полноту целого, имеющего совершенно определенные границы. Этот метод, который Ауэрбах называл *историческим релятивизмом*, был поиском бесконечного в границах конечного и конкретного. Познание истории требует отказа от того, что еще Дильтей называл «конструкциями», а равно и от позитивистского, формального погружения в прошлое «обжирал истории», как выражался современник и антипод Дильтея – Ницше в знаменитом тексте о пользе и вреде истории для жизни. В упомянутой концептуальной статье «Филология мировой литературы» Ауэрбах, опираясь в особенности на Вико, так формулировал относительно новое для XX в. понимание истории как предмета гуманитарно-филологического познания: «Под предметом истории мы понимаем здесь не только прошлое, но также и поступательное движение событий вообще, включая и то, что происходит *в чьей бы то ни было современности*»^{12*}.

4. *Certum*, как его понимает Ауэрбах в своем знаменитом «Мимесисе» и в других исследованиях, противостоит не только тому, что он называл в своей книге о Данте (1929) «*jenes platonische verum*» («платонически истинным»), а молодой Хайдеггер в своих лекциях в начале 1920-х годов – «платонизмом варваров» (*Platonismus der Barbaren*). Для Ауэрбаха главное – «феномены»; «вещи сами должны заговорить». «Феномены», «сами вещи» – это викианское *certum* в переводе на язык гуманитарно-филологического мышления, подключившегося со своего специфического места к современной Ауэрбаху традиции *феноменологической герменевтики*. С точки зрения этой традиции

теоретические обобщения для филологии представляют собой одновременно искушение и угрозу; искушение, собственно, состоит в том, «чтобы путем гипостазирования абстрактно упорядоченных понятий как бы сразу овладеть всею конкретной полнотою подлежащего материала, что приводит к стиранию предмета, к подмене его в дискуссиях по поводу мнимых проблем и наконец к полному ничто (*ins bare Nichts*)»^{13*}. Иначе говоря, опасность, с которой сталкивается филолог, как подметил Ауэрбах уже в середине прошлого столетия, – это «искушение *уклониться от действительности* – путем ли тривиального приглаживания или сглаживания, или путем явно фантастических построений, совершенно искажающих действительность...»^{14*}.

5. Если во времена Вико «Филология» должна была отстаивать свою эпистемологическую значимость в ответ на вызовы картезианства и перед лицом «опытных наук», то, как дает понять Ауэрбах, современное гуманитарно-филологическое познание, общий предмет которого – социально-историческая действительность, оказывается перед почти непреодолимым воздействием, с одной стороны – глобального «процесса стандартизации земной культуры», а с другой – того, что под влиянием успехов естественных наук и общей утраты исторического чувства после Второй мировой войны «в филологию проникают нефилологические понятия и методы»^{15*}.

6. Ауэрбах не принимает у Вико тот «предрассудок», что самые значительные произведения литературы и искусства принадлежат прошлому. Чужд Ауэрбаху и мессианизм его знакомого Вальтера Беньямина, с которым он переписывался в 1930-е годы.

Таким образом, в своем понимании *гуманитарно-филологической деятельности* Э. Ауэрбах уже вводит в существо современного, или, если угодно, «постсовременного» (т.е. после Нового времени) этапа истории викианской проблемы обоснования и оправдания «Филологии». Опыт Ауэрбаха в значительной степени – это уже наш сегодняшний опыт в относительно новой духовно-идеологической и научно-гуманитарной ситуации XXI в. Это, естественно, и по-новому старое испытание филологии.

Наши сегодняшний опыт переживания и испытания гуманитарно-филологической деятельности перед лицом новой «актуальности, действительно, и нов, и уже традиционен. Это опыт нашей «современности после постсовременности».

Отмечу два момента этого относительно нового опыта.

Во-первых, испытание «Филологии» связано сегодня с тем, что уже почувствовал Ауэрбах в середине прошлого века, в предвосхищающие структуралистской эпохи. Окончательно завершилось и исчерпало себя Новое время с его «инонаучными» метаимперативами (а не просто «метанарративами» по Лиотару). Идеализации «прогресса», «гуманизма», «науки», «культуры», «свободы», «образования», даже «теории» и «текста» потеряли свою убедительность, потому что они худо-бедно – реализовались. Никакие революции социальные или научные немыслимы, никакая «смена парадигмы» невозможна в обозримом будущем (все парадигмы, ненаучно выражаясь, «отдыхают»). Великие общественно-политические революции Нового времени – в прошлом, включая самую последнюю и самую страшную – Русскую революцию^{16*}. Переживаемый повсеместно погром и бюрократизация «образования» (в смысле немецкого *Bildung*) – это уже следствия, следствия начавшегося примерно с 1960-х годов стихийного разложения *идеи «культуры»*, как всеобщего блага и цели духовного развития, и, соответственно, краха идеи «университета», обоснованной немецкими идеалистами в начале XIX в., во времена так называемого духа эпохи Гёте^{17*}.

Во-вторых, эти объективные условия не могли не преломиться и не отразиться в науках исторического опыта. Что же произошло и происходит сегодня, в отличие от ситуации, описанной Э. Ауэрбахом в середине XX в.? Борьба за автономию научных дисциплин в прошлом столетии, как можно заметить, привела, парадоксальным образом, к заметной утрате предметной автономии (например, в литературоведении); все прежде недоступные тексты стали вроде бы общедоступны, а что с ними делать – не очень понятно; как выразилась моя коллега, филологи бегут от филологии, как крысы с тонущего корабля; это, конечно, преувеличение, но в нем схвачена тенденция. Перефразируя название известной книги Жюльена Бенда из 1920-х годов, можно говорить о

предательстве филологов: им делается все более тесно внутри своей дисциплины, и они вынуждены «тащить» из других. «Кризис дисциплин» – это сейчас общее явление, особенно остро переживаемое, по видимому, в России. Иначе говоря, филолог, желая идти в ногу со временем, с современностью, предает прошлое либо, не желая того, ограничивается «акрибией», утрачивая предметный, профессиональный контакт с современностью. То, что еще Макс Вебер называл *Sinnverlust*, «утратой смысла», в наше время – общая угроза и проблема наук исторического опыта.

Но, конечно, внутридисциплинарные трудности, повторимся, ломаются и отражают то, что произошло и происходит в самом историческом опыте, в объективной ситуации утраты смысла в «культуре-образовании» (*Bildung*).

Тем не менее в этом относительно новом опыте открываются и совершенно новые возможности гуманитарно-филологического исследования. Вико в этой современной ситуации по-прежнему актуален как гуманитарный эпистемолог, работающий на стыках и пересечениях философии, филологии, историографии, но стремящийся к дифференциации дисциплин на основе, как сегодня сказали бы, *междисциплинарности*, притом, однако, что междисциплинарность коренится не в отвлеченных конструкциях, но в историческом бытии самих дисциплин, в их историческом «расколдовывании».

Мне кажется, что «спасение» и философии, и филологии сегодня – в обращении к историческому опыту *дисциплин интерпретации*. Не так называемые результаты этих дисциплин сегодня значимы и интересны, но творческие источники, приведшие к результатам, а также и не получившие развития, как бы зависшие в истории научных дисциплин, в частности и в особенности – дисциплин историко-филологических. Возможности нашей современности, мне кажется, связаны с переоткрытием прошлого в свете нашего опыта. Самое интересное и современное сегодня не столько современность как некий кумулятивный «результат» прошлого, сколько современность прошлых эпох – современность, которая для современников была открыта (не завершена) и содержательно гораздо богаче собственных результатов. В этом смысле открытой и незавершенной в своих возможностях остается и наша современность, как и возможности современной филологии.

Примечания

1*. Расширенный и дополненный текст выступления на конференции, посвященной научно-гуманитарному наследию В. Вико, проходившей в Высшей школе экономики в мае 2013. Материалы конференции опубликованы в издании: *Investigations on Giambattista Vico in the Third Millenium* / Ed. by Julia V. Ivanova and Fabrizio Lomonaco. – Roma, 2014.

2*. См., например: *Науки о человеке: История дисциплин* / под ред. А.Н. Дмитриева, И.М. Савельевой. – М.: ВШЭ, 2015; *Гуманитарное знание и вызовы времени* / глав. ред. и сост. тома С.Я. Левит. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – 480 с.

3*. *Leventhal R.S. The Discipline of Interpretation.* – Berlin; New York, 1994.

4*. *Гадамер Х-Г. Что есть истина?* // *Логос.* – М., 1991. – Вып. 1. – С. 34.

5*. Подробнее об этом см.: *Trabant J. Neue Wissenschaft von alten Zeichen: Vocos Sematologie.* – Frankfurt a.M., 1994. – S. 13–33.

6*. *Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт.* – М.: Европа, 2007. – 608 с.

7*. *Иванова Ю.В., Соколов П.В. Кроме Декарта: Размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени.* – М.: Квадрига, 2011. – С. 177.

8*. Там же. – С. 179.

9*. *Weizbort L. Erich Auerbach im Kontext der Historismusdebatte* // *Erich Auerbach: Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen* / hrsg. von K. Barck, M. Tremle. – Berlin, 2007. – S. 282.

10*. См. современное переиздание той книги: *Vico G. Die neue Wissenschaft über die gemeinschaftliche Natur der Völker. Nach der Ausg. von 1744 übers. und eing. von E. Auerbach* (1924). – Berlin; N.Y., 2000. – 447 s.

11*. *Ауэрбах Э. Филология мировой литературы (1952)* // *Вопросы литературы.* – 2004. – Сентябрь/октябрь. – С. 132.

12*. Там же. – С. 126.

13*. Там же. – С. 131–132.

14*. Там же. – С. 133.

15*. Там же. – С. 130.

16*. *Розениток-Хюсси О. Великие революции (1938).* – М., 2002. – 646 с.

17. *Ридингс Б. Университет в руинах (1996).* – М.: Изд дом Гос. ун-та ВШЭ, 2010. – 304 с.

Список литературы

1. *Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт.* – М.: Европа, 2007. – 608 с.

2. *Ауэрбах Э. Филология мировой литературы (1952)* // *Вопросы литературы.* – 2004. – Сентябрь/октябрь. – С. 123–139.

3. *Вико Д.* Основания новой науки об общей природе наций (1744). – М.; Киев: REFL-book «ИСА», 1994. – 656 с. – (Собрание Латинского Клуба).
4. *Гадамер Х.-Г.* Что есть истина? // *Логос.* – М., 1991. – Вып. 1. – С. 30–37.
5. *Иванова Ю.В., Соколов П.В.* Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. – М.: Квадрига, 2011. – 302 с.
6. Гуманитарное знание и вызовы времени / отв. ред. и составитель тома С.Я. Левит. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. – 480 с. – (Серия «Humanitas»).
7. Науки о человеке: история дисциплин / отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. – М.: ВШЭ, 2015. – 656 с.
8. *Ридингс Б.* Университет в руинах / пер. с англ. А.М. Корбута; Гос. ун-т ВШЭ (1996). – М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2010. – 304 с.
9. *Розеншток-Хюсси О.* Великие революции: Автобиография западного человека (1938). – М.: Библиейско-богословский Институт Св. апостола Андрея, 2002. – 646 с.
10. Auerbach Erich: Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen / hg. von K. Barck, M. Tremle. – Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2007. – 512 S.
11. *Leventhal R.S.* The Disciplines of Interpretation. – Berlin; New York, 1994. – 238 s.
12. Investigations on Giambattista Vico in the Third Millenium New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia / ed. by Julia V. Ivanova and Fabrizio Lomonaco. – Roma, 2014. – 229 p.
13. *Trabant J.* Neue Wissenschaft von alten Zeichen: Vicos Sematologie. Suhrkamp. – Frankfurt a.M., 1994. – 238 p.
14. *Vico G.* Die neue Wissenschaft über die gemeinschaftliche Natur der Völker. Nach der Ausg. von 1744 übers. und eing. von E. Auerbach (1924). – 2 Auflage mit einem Nachwort von Wilhelm Schmidt-Biggemann. – Berlin; New York, 2000. – 447 S.

References

1. *Ankersmit F.R.* Vozvyshennyj istoricheskij opyt. – М.: Европа, 2007. – 608 s.
2. *Auerbach E.* Filologiya mirovoj literatury (1952) // *Voprosy literatury*, 2004 (sentyabr'oktyabr'). – S. 123–139.
3. *Viko D.* Osnovaniya novoj nauki ob obshchej prirode nacij (1744). – М.; Киев: REFL-book «ISA», 1994. – 656 с. – (Sobranie Latinskogo Kluba).
4. *Gadamer H.-G.* Chto est' istina? // *Logos.* – М., 1991. – Vyp. 1. – S. 30–37.
5. *Ivanova Yu.V., Sokolov P.V.* Krome Dekarta: razmyshleniya o metode v intellektual'noj kul'ture Evropy rannego Novogo vremeni. – М.: «Kvadriga», 2011. – 302 s.
6. Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni / отв. red. i sostavitel' toma S. Ya. Levit. – М.; СПб.: Centr gumanitarnyh iniciativ: Universitetskaya kniga, 2014. – 480 s. – (Seriya «Humanitas»).
7. Nauki o cheloveke: Istoriya disciplin / отв. red. А.Н. Dmitriev, I.M. Savel'eva. – М.: VShE, 2015. – 656 s.
8. *Ridings B.* Universitet v ruinaх / per. s angl. А.М. Korbuta Gos. un-ta VShE (1996). – М.: izd. dom Gos. un-ta VShE, 2010. – 304 s.

9. *Rozenshtok-Hyussi O.* Velikie revolyucii: Avtobiografiya zapadnogo cheloveka (1938). – M.: Biblejsko-bogoslovskij Institut Sv. apostola Andrey, 2002. – 646 s.
10. Auerbach Erich: Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen / hg. von K. Barck / M. Tremle. – Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2007. – 512 S.
11. *Leventhal R.S.* The Disciplines of Interpretation. – Berlin; New York, 1994.
12. Investigations on Giambattista Vico in the Third Millenium New Perspectives from Brazil, Italy, Japan and Russia / ed. by Julia V. Ivanova and Fabrizio Lomonaco. – Roma, 2014. – 229 p.
13. *Trabant J.* Neue Wissenschaft von alten Zeichen: Vicos Sematologie. Suhrkamp. – Frankfurt a.M., 1994. – 238 p.
14. *Vico G.* Die neue Wissenschaft über die gemeinschaftliche Natur der Völker. Nach der Ausg. von 1744 übers. und eing. von E. Auerbach (1924). 2. Auflage mit einem Nachwort von Wilhelm Schmidt-Biggemann. – Berlin; New York. 2000. – 447 S.